

ФИЛОСОФИЯ

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 128; 130.2

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ЗРЕЛОСТИ*

© С. А. Лишаев

Лишаев
Сергей Александрович
доктор философских наук,
профессор
профессор
кафедры философии
Самарский национальный
исследовательский
университет имени
академика С. П. Королёва
(Самарский университет)
Самарская
гуманитарная академия
lishaevs@bk.ru

В статье исследуется круг вопросов, связанных с внутривозрастной динамикой среднего возраста. Показано, что возрастная периодизация зрелости определяется изменениями, которые происходят на внутривозрастном уровне надситуативного времени Dasein. Описываются две модели внутривозрастной динамики: линейная и нелинейная. Анализируются социально-культурные сдвиги, определяющие тенденцию к распространению нелинейной периодизации среднего возраста. В рамках линейной модели выделяются и исследуются периоды восходящей и удерживающей зрелости.

Ключевые слова: философия возраста, зрелость, ситуативное временение, надситуативное временение, возрастное время, внутривозрастное время, восходящая зрелость, удерживающая зрелость, нелинейная модель зрелости.

В философской литературе, посвященной анализу возраста, зрелость (наряду с младенчеством и ясельным детством) — один из наименее изученных периодов. Специальные исследования по периодизации среднего возраста и вовсе отсутствуют. Это объясняется как слабой его изученностью¹, так и относительно низкой —

* Публикация подготовлена в рамках подержанного РФФИ научного проекта № 15-03-00705 («Философия возраста в горизонте герменевтической феноменологии»).

¹ В исследованиях по философии возраста зрелость в основном рассматривается в рамках общих работ по возрастной проблематике. Заметное место рассмотрению зрелости уделяется в работах В. И. Красикова и

по сравнению с детством и молодостью — внутривозрастной динамикой. Ранее мы рассматривали экзистенциальное устройство этого возраста *in toto*, без выделения отдельных его этапов (формаций) и анализа их специфики². В этой статье будет исследована периодизация зрелости и ее внутривозрастная динамика.

Зрелость в целом и концептуальные основы ее периодизации. Зрелость как возрастная расположенность Присутствия (*Dasein*) — это период, в котором доминирует возрастное настоящее. Здесь человек достигает наибольшей самостоятельности в качестве деятеля и творца своей и общей с другими жизни. Это период максимальной автономии, суверенности и продуктивности. В годы зрелости человек (само)определяется: исполняя обязательства и реализуя долговременные цели, он из «непонятно кого» становится кем-то. В эти годы формируется — по ходу реализации довременных целей — комплекс привычек, организующих ситуативное временение³. Общие характеристики

совместной монографии К. С. Пигрова и А. К. Секацкого (*Красиков В. И.* Синдром существования. Томск, 2002. С. 41–94; *Пигров К. С., Секацкий А. К.* Бытие и возраст. Монография в диалогах. СПб.: Алетей, 2016. С. 127–151). Однако вопрос о периодизации зрелости в них не тематизируется. «Монография в диалогах» дает интересный во многих отношениях анализ зрелости, ее темпоральной организации, роли в ней привычки, но внутривозрастная динамика остается вне поля зрения петербургских философов. В работе по философии возраста В. И. Красикова основное внимание уделяется как раз зрелости. Исследуя «синдром существования», он стремится прояснить исток, причины и последствия кризиса среднего возраста. При таком подходе в поле зрения философа попадает и то, что было «до» кризиса, и то, что происходит «после него». Однако собственно периодизацией зрелости Красиков не занимается. У этого автора имеется также статья, посвященная анализу кризисных аспектов поздней зрелости, возрастной периодизации зрелости не тематизируется (*Красиков В. И.* Трагифарс, или Осень среднего возраста // Конструирование онтологий. Эфемериды / В. И. Красиков. М.: Водолей, 2007. С. 120–147).

² См.: *Лишаев С. А.* К феноменологии зрелости // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2017. Том 18. Вып. 3. (В печати).

³ В обществах модерна и постмодерна исходят из предположения, что долгосрочные цели человек ставит самостоятельно, что обязанности (если они не возложены на него государством) он принимает добровольно и тогда, когда сочтет нужным.

В традиционных обществах долгосрочные цели ставятся перед человеком обществом/общиной/семьей и культурой (извне), они как бы «всегда уже поставлены» и «ожидают», когда человек «дорастет» до их принятия и исполнения. Обязательства возлагались на него также извне; обычно — при его согласии на их принятие, иногда — вопреки его воле. (Девушки в традиционном обществе стремятся выйти замуж и быть женами, матерями и хозяйками, но при этом не всегда их выдают замуж за тех, кто им по сердцу. В последнем случае обязанности жены возлагаются на них против их воли.) В традиционных обществах перед человеком стоит задача определить себя в том, что ему суждено, чтобы стать крестьянином, воином, ювелиром...

В обществах посттрадиционных исходят из того, что люди могут (и должны) самоопределяться. На деле же к самоопределению способна только часть людей. Для другой (большей) части выбор целей и принятие обязанностей становится сложной проблемой, которая только *по видимости* (или *до определенной степени*) решается ими самими. Добровольность выбора долгосрочных целей и принятие обязанностей при отсутствии внешнего принуждения приводит к его затягиванию, а когда выбор все же

зрелости как возраста второго порядка не исключают возрастных разграничений внутри «эпохи акме», наличия в ней возрастов третьего уровня⁴.

Мы предлагаем различать две модели возрастной динамики зрелости: *линейную* (она доминировала в прошлом и продолжает доминировать в современном мире) и *нелинейную*, которая в последние 50-60 лет становится все более распространенной.

Если говорить о линейной модели периодизации, мы выделяем два содержательно и хронологически связанных между собой периода: 1) *восходящую зрелость*, в рамках которой человеческая самость воплощается в определенном (в традиционном обществе — заранее данном, в посттрадиционных обществах — свободно избираемом, «подгоняемом под себя») образе жизни, а также в профессиональной деятельности, в личной жизни и т. д., и 2) *удерживающую зрелость* как период воспроизводства того, что сложилось за годы восхождения, период его совершенствования и утверждения в публичном пространстве.

Однако в современном обществе связь между первым и вторым периодами зрелости все чаще приобретает нелинейный характер: в содержательном отношении второй период не продолжает то, чем зрелый человек жил в зрелости восхождения. В случае перехода к нелинейному сценарию бытия-зрелым мы имеем дело уже не с одним, а с двумя (или более) экзистенциальными проектами: человек проживает за годы зрелости не одну, а несколько зрелостей⁵. Отказ от линейной модели сопряжен с разочарованием в том, что получилось по результатам реализации изначального проекта зрелости, и с пересмотром целей и принципов, которыми он руководствовался ранее.

Однако прежде чем перейти к анализу линейной модели зрелости, необходимо пояснить концептуальные предпосылки исследования. Основу для периодизации возрастной структуры существования мы видим в формировании временения и в смещении его темпоральных доминант (акцентов). В ходе анализа возрастной и внутривозрастной периодизации жизни необходимо также учитывать, что овременение человеком своего существования происходит на разных уровнях.

совершается, то происходит под воздействием внешних факторов: ситуации, давления родственников, знакомых, СМИ, государства и т. д. Выбор долгосрочных целей и принятие обязанностей по форме остается за индивидом, а по сути навязывается обществом через косвенные формы воздействия. Но для философии возраста существенно то обстоятельство, что человек, принявший к исполнению долговременные цели и обязательства, рассматривает принятое как результат собственного решения.

⁴ К возрастам первого уровня (порядка) мы относим детство и взрослость. Эти возрасты включают в себя возрасты второго уровня. Детство делится на младенчество, ясельное детство, игровое детство и отрочество. Взрослость — на молодость, зрелость и старость. К возрастам третьего уровня относятся возрастные формации, которые можно обнаружить в возрастах второго уровня. Так, например, ранее были исследованы возрастные модусы молодости: подростковость, юность, возмужалость (*Лишаев С. А.* Герменевтика молодости: жизнь на просторе // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2016. Том 17. Вып. 4. С. 41—52).

⁵ За нелинейным периодом «зрелости заново» может последовать период удержания (продолжения) того, что было сделано «на новых путях» во второй зрелости, а может — новая попытка переустановить зрелость (зрелость-3).

Уровень, на котором Dasein овременяет свое существование, определяется тем, что в данный момент переживается им в качестве настоящего, то есть того, что именно продолжается, длится, *к чему приурочены* прошлое и будущее. В качестве настоящего может переживаться этот вот час (то, что происходит сейчас, в данный момент), а может и то, что происходит «сегодня», «на этой неделе», «сейчас, пока я работаю в этой компании», «теперь, пока я молод», и т. д. В пределе персональное теперь (настоящее) может быть расширено до размеров жизни в целом. «Теперь, пока я жив», включает в себя жизнь от рождения до смерти.

В исследовании возрастной структуры мы исходим из необходимости различать *ситуативный* и *надситуативный* уровни временения⁶. Ситуативное временение — временение малого радиуса действия, осуществляя которое, человек остается зависимым от ситуации, воздействующей на него непосредственно, здесь и теперь. Надситуативное временение отрывает человека от текущего момента и позволяет ему, отправляясь от задуманного в воображении или от удержанного в памяти, осознанно и целенаправленно воздействовать на ситуацию и ситуативное временение.

Детство определяется несформированностью или неполной сформированностью временения как способа существования Dasein. Оно или еще отсутствует (младенчество и ясельное детство), или остается ситуативным, не развернутым по величине до размерности жизни в целом. Взрослость, которую мы разделяем на возрасты второго уровня (на молодость, зрелость и старость⁷), маркирует появление способности к надситуативному временению. Доминирование одного из векторов надситуативного времени *по величине* определяет темпоральную конституцию каждого из трех возрастов в зрелости. В молодости доминирует надситуативное будущее, в зрелости — настоящее, в старости — прошлое. Доминирующее время мы называем *возрастным временем*⁸.

В исследовании зрелости важно не только отделять *ситуативное временение* от *надситуативного*, но и разграничивать уровни надситуативного временения в зависимости от его размерности. В ходе изучения зрелости мы будем различать надситуативное временение *первого порядка (уровня)*, определяемое как *возрастное временение*, и *надситуативное временение второго порядка*, которое не выходит за границы того или иного возраста взрослости. Последнее определяется нами как *внутривозрастное временение*.

«Когда мы сопоставляем текущий возраст с прошлыми и будущими возрастами, временение осуществляется в границах жизни в целом. Надситуативное временение на данном уровне определяется как *возрастное*. В его границах возрастные прошлое-настоящее-будущее исчерпывают собой размерность жизни как предельной для индивида формы настоящего (по отношению к жизни-как-

⁶ Подробнее см.: Лишаев С. А. Возраст и время // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2015. Том 16. Вып. 4. С. 46–55.

⁷ Подробнее см.: Лишаев С. А. О критериях возрастной периодизации (материалы к философии возраста) // Вестник Ленинградского государственного ун-та им. А. С. Пушкина. Серия «Философия». 2015. № 4. Т. 2. С. 66–76.

⁸ Лишаев С. А. К феноменологии зрелости. Указ соч.

настоящему прошлым будет время до начала жизни (время предков), а будущим — время после ее окончания (время потомков)). Применительно к зрелости как предмету нашего интереса на возрастном уровне временения она (в качестве настоящего) соотносится с детством и молодостью (прошлое), а также со старостью (будущее). Специфику зрелости как возраста определяет то, каким образом в ее границах происходит взаимодействие ситуативного и надситуативного временения»⁹.

На внутривозрастном уровне временения размерность того, что переживается как настоящее, задающее масштаб и, следовательно, уровень временения, выходит за пределы текущей ситуации, но не выходит за рамки возраста второго порядка (напомним, что к возрастам второго порядка в годы взрослости относятся молодость, зрелость и старость). Внутривозрастное настоящее соотносится с будущим и прошлым внутри текущего возраста взрослости как с тем, что *еще не началось или уже закончилось*.

Внутривозрастное настоящее определяет временение на ситуативном уровне в качестве подвижной темпоральной рамки происходящего «здесь» и «теперь». Например, если мои дети — дошкольники (то есть если я, думая о детях, оперирую этим понятием), то моим внутривозрастным настоящим (тем, что есть и что длится, продолжается) будет время от рождения детей и до их поступления в школу. Соответствующим ему будущим будет обучение в школе, а относящимся к нему прошлым — жизнь семьи до рождения ребенка. Это пример из области «личной жизни» человека. В публичном пространстве (сфера профессиональной, общественной активности человека) внутривозрастное временение осуществляется аналогичным образом, а его масштаб определяется размерностью настоящего, от которого отправляется временящий.

Для понимания специфики возрастов второго порядка, *взятых в целом* (в частности, для анализа таких возрастов взрослости, как молодость и зрелость), решающее значение будет иметь соотношение временных векторов на возрастном уровне временения. Если от анализа возрастов второго порядка мы перейдем к анализу их внутренней структуры, то для понимания специфики возрастов третьего порядка необходимо будет исследовать, как меняются параметры внутривозрастного временения на протяжении молодости, зрелости или старости. Изменение темпоральных доминант на внутривозрастном уровне временения имеет существенное значение для периодизации зрелости.

1. Восходящая зрелость. Напомним, что *на возрастном уровне* временения темпоральная доминанта зрелости не меняется. От начала и до конца зрелости она «размещается» в настоящем. Настоящее зрелого человека не определяется ни возрастным будущим (как в молодости), ни окрашенным в ностальгические тона прошлым (как это бывает в старости). Его бытие определяется императивом неотложного действия в ориентации на те принципы и цели, которые он избрал и принял к исполнению. Возрастное настоящее зрелого человека — это время воплощения задуманного, исполнения обещанного. Доминирование возрастного настоящего *требует не только неотложности действия, но и его постоянства*,

---

⁹ Там же.

следующего из определенности разрабатываемого содержания и долгосрочности поставленных перед собой целей. Переход от поисков того, чему посвятить себя свои силы, к продолжительным усилиям по воплощению целей в дела, произведения и образ жизни — это переход от молодости к зрелости.

В основе разделения акме на периоды лежат изменения в характере временения *Dasein на внутривозрастном уровне.* Величина и экзистенциальный вес темпоральных векторов внутривозрастного временения в годы зрелости меняются даже в тех случаях, когда большие цели и, соответственно, содержание жизни остается одним и тем же. Это позволяет говорить о двух внутривозрастных периодах: о восходящей зрелости и о зрелости удержания. Темпоральный профиль восходящей зрелости определяется тем, что в этот период *на внутривозрастном уровне доминирует будущее.*

Зрелость в целом отличает *непереходность возрастного настоящего* (моя жизнь — это то, что происходит теперь, в зрелости). Но на внутривозрастном уровне временения от начала зрелости до ее середины *расклад будет иным.* Здесь надситуативное временение определяется открытостью будущего: от того, что предстоит ждут улучшения, подъема по сравнению с тем положением, которое сложилось на данный момент. Внутреннего (внутривозрастного) будущего больше, чем прошлого, и оно пока еще обещает восхождение к новым рубежам в исполнении задуманного. Именно поэтому первый этап среднего возраста уместно назвать *«восходящей зрелостью».*

Когда речь идет о планах на будущее, восходящая зрелость воспроизводит характерную для молодости *устремленность в грядущее* (только здесь это не будущая жизнь вообще, а *будущая жизнь внутри зрелости*). Зрелый человек уверен, что «самое главное» на том пути, по которому он идет, ждет его впереди, а не располагается в настоящем или прошлом. На внутривозрастном уровне временения настоящее и прошлое оценивается из будущего, из него человек планирует и осмысливает настоящее, от него зависит оценка и истолкование внутривозрастного прошлого.

Возрастное временение определяет сознание в стратегическом ключе; оно фокусирует внимание на целях и приоритетах *зрелости в целом.* Зрелость соотносится со старостью, детством и молодостью, так что когда человек выходит на возрастную уровень временения, он волей-неволей задумывается над жизнью в целом. Возрастное настоящее зрелости стремится *подчинить себе и ситуативное, и внутривозрастное временение.* *Внутривозрастное будущее* восходящей зрелости *определяется* (более или менее отчетливо) долгосрочными целями, а значит — *возрастным настоящим*, прошитым (в содержательном плане) нитями больших целей и долговременных обязательств (реализоваться в качестве *настоящей* жены, матери, врача, ученого, офицера и т. д.). Внутривозрастное будущее в первый период зрелости *определяет содержание внутривозрастного настоящего* и организуемого им ситуативного временения.

Достижение надситуативных целей (и возрастного, и внутривозрастного уровня) требует *подчинить им* — насколько это возможно — *ситуативное временение.* Сделать это можно с помощью формирования нужных (полезных) привычек. Темпорально-волевая обусловленность зрелого *Dasein* в том и состоит, что исполнение долговременных целей и принципов требует формирования

необходимых для этого привычек (или, иначе, динамических стереотипов)¹⁰. Комплекс привычек обеспечивает *удержание на ситуативном уровне* принципов и долгосрочных и среднесрочных целей. Без формирования привычек невозможно реализовать долгосрочные цели, ведь они — по определению — таковы, что «с насюко» их не возьмешь (нельзя быстро воспитать детей, быстро стать хорошим хирургом, педагогом, писателем, ювелиром, etc.). В случае если достичь желанной цели одним прыжком невозможно, приходится строить для движения к ней транспортные средства, используя которые можно приближаться к желанному образу будущего и преодолевать препятствия.

Этос зрелости в целом можно определить как *этос исполнения* (сущностного самоопределения) *самости* в горизонте базовых принципов и долгосрочных целей. Этос зрелости восхождения — это *этос создания и освоения новых жизненных форм*, он предполагает формирование привычек, обеспечивающих длительное сосредоточение внимания и усилий на исполнении среднесрочных и долгосрочных целей и обязательств.

Этос восхождения сочетает в своем экзистенциальном устройстве сознание *неотложности действия* (императив возрастного времени) *с устремленностью в будущее и открытостью новому* (доминирование будущего на внутривозрастном уровне). Различие в темпоральных доминантах разного уровня временения формирует и поддерживает установку на *развитие того, что находится в работе*. Зрелость восхождения открыта для поиска и обновления жизненных форм, если их обновление способствует воплощению долгосрочных целей, вписанных в возрастное настоящее. Восходящая зрелость — это готовность к новому в рамках старого.

Направленность ситуативного временения обеспечивается за счет привычек. Привычки обеспечивают возобновление и суммирование усилий, выстраиваемых вокруг реализации среднесрочных и долгосрочных целей. Благодаря привычкам предпринимаемые *Dasein усилия* изо дня в день наматываются на стержень долгосрочных целей и человек чувствует, как он движется вперед, исполняя свои цели и обязательства. Именно благодаря привычке на уровне ситуативного временения создаются условия для *реализации целей (будущего)* здесь и теперь. Благодаря цикличности организованного привычкой временения прошедшее не проходит, оно (через определенное время) возвращается, в то время как будущее наступает в качестве продолжения того, что уже наступило. Стратегически динамический стереотип (привычка) обеспечивает доминирование долгосрочных целей на повседневном уровне (на уровне ситуативного временения), а тактически — подчиняет ситуативное время повседневности внутривозрастному настоящему и будущему (ребенка регулярно водят в детский сад, занимаются с ним дома и на курсах, чтобы подготовить его к обучению в школе). Именно на внутривозрастном уровне формируются конкретные задачи, работа над реализацией которых ведет к появлению новых привычек.

Соединение неотложности действия с устремленностью в будущее *при*

---

¹⁰ Весьма интересные и продуктивные размышления о привычке можно найти в монографии К. С. Пигрова и А. К. Секацкого (См.: *Пигров К. С., Секацкий А. К. Бытие и возраст*. 2017).

постоянстве сферы приложения усилий (отличающем зрелость от молодости) ведет к *формированию регулярностей* (динамических стереотипов), совокупность которых составляет *образ жизни*. Именно в период восходящей зрелости создается большое число долговременных привычек. Но делать одно и то же из года в год не значит делать его одинаково. Можно готовить обед ежедневно, но время от времени вводить в меню что-то новое. Через привычки, подчиняющие ситуативное временение, человек отчасти «побеждает» время, овладевает им через придание ему циклической формы. Так возникает эффект «неизменности», когда жизнь, организованная совокупностью привычек, как будто бы останавливается в своем непрерывном движении, выпадая из линейного времени. Привычка стабилизирует жизнь, но и она в первой половине зрелости является действенным инструментом развития.

Внутривозрастное временение периода восхождения *смягчает давление возрастного настоящего*, требующего направить все силы на исполнение больших целей зрелости. Доминирование будущего оставляет возможность «смотреть по сторонам» и иногда отклоняться от курса. «Время еще есть». Это знание делает человека *открытым для перемен, для нового*, для того, чтобы при необходимости видоизменить маршрут движения, поменяв сложившиеся привычки и сформировав новые. Готовность к переменам делает *внутривозрастное настоящее восходящей зрелости* (в отличие от возрастного настоящего) *переходным*. Наслаивание *непереходности* возрастного настоящего на *переходность* внутривозрастного настоящего — характерная особенность темпорального профиля восходящей зрелости.

2. На перепутье (кризис среднего возраста). Переход от зрелости восхождения к удерживающей зрелости проходит по-разному. Иногда — постепенно, не попадая в фокус возрастной рефлексии, иногда — скачкообразно, что происходит в случае, если ему предшествует экзистенциальный кризис. В некоторых случаях кризис завершается переучреждением зрелости на новых основаниях (иногда попыток переучреждения бывает несколько). Но как бы не завершился экзистенциальный кризис середины жизни, он подводит «черту» под тем, что было «до» него, и маркирует начало нового периода. Поскольку речь идет о кризисе, который длится от нескольких месяцев до одного-двух лет, это не дает оснований для его описания в качестве возрастного периода. Тем более, что не все люди через него проходят. Уместнее говорить о кризисе среднего возраста как об экзистенциальном событии, маркирующем переход от одного периода зрелости к другому.

Кризис возникает, когда уверенность, что в будущем будет лучше, чем сегодня, ослабевает или исчезает. Утрата веры в будущее связана с осознанием фактичности темпорального аспекта существования: активной жизни осталось столько же или даже меньше, чем прожито. В этом случае *внутривозрастное настоящее* утрачивает переходность и воспринимается как *непереходное настоящее непереходного возрастного настоящего*. «То, что есть, — это и есть моя *настоящая* зрелость, это то, чего я в этой жизни добился, следуя избранному в годы возмужалости маршруту». В точке двойного настоящего человек сознает, что если и дальше идти в том же направлении, то ничего принципиально

нового в его жизни уже не будет. И тогда перед ним встает вопрос: готов ли он довольствоваться жизнью, которая у него есть? Человек спрашивает себя: Этого ли я хотел? Об этом ли мечтал? Стоит ли и дальше жить так, как (и чем) я живу? Может быть, стоит поменять жизнь, пока еще не все потеряно».

В первый период зрелости будущее остается не вполне ясным, слегка затуманенным. Горизонт удален от настоящего и оставляет место для надежды на то, что в нем раскроется подлинное «я». В зрелости восхождения будущее врачует раны, дает силы, наполняет жизнь смыслом («пусть пока и у меня не все хорошо, но я буду работать и многое изменится к лучшему»).

Кризис среднего возраста поражает человека именно тогда, когда внутривозрастное будущее перестает врачевать раны, нанесенные в прошлом и доставляющие боль в настоящем. Будущее перестает быть пристанищем надежды; оно просматривается насквозь, вплоть до наступления старости. И когда «сиреневый туман» окончательно рассеивается, человек задается вопросом о прошлом, о зрелости и о жизни в целом.

В отсутствие надежд проводится *ревизия того, что было и что есть* на данный момент, наличное бытие сопоставляется с мечтами и планами, с обещаниями, которые когда-то были даны самому себе. Идеальный план жизни, намеченный в годы возмужалости, сверяется с действительностью. Нередко ревизия приводит к неутешительным выводам.

Жизнь, которая, как казалось, имела смысл, вдруг открывается в неприглядном свете: настоящее — насмешка над ожиданиями молодости, будущее — продолжение бессмысленного спектакля, где все роли и реплики известны наперед, как, впрочем, и невеселый финал «пьесы»; прошлое предстает как история ошибок, заблуждений и уклонений от того, что требовало усилий («нечем гордиться»). В результате человек теряет смысловую наполненность жизни, которая поддерживала его на уровне общего чувства, настроения. Конечно, «многое» у него есть, но в том, что есть, нет жизни, нет того, чего ему хотелось (семья — не настоящая, дело — не настоящее, и в жизни не хватает не мелочей, а чего-то самого важного).

Оказавшись на перепутье, человек решает, что ему делать дальше. Так или иначе, кризис среднего возраста разрешается, но разрешается по-разному.

1) Позитивный выход из кризиса возможен в том случае, если итоги ревизии настоящего и прошлого показали, что в них, кроме суеты, ошибок и житейских шаблонов, есть кое-что настоящее, то, на что можно опереться¹¹. Многие из желанного все же сбылось и сбывшееся нельзя оставить без присмотра, не предав самого себя. Приходя к подобным выводам, человек принимает решение идти в прежнем направлении, совершенствуя, сохраняя и умножая то, что он делал и делает теперь.

---

¹¹ Мы не обсуждаем здесь объективности ревизии прошлого. Очевидно, что она не исключает элементов самообмана (анализ своего прошлого и настоящего — это, помимо прочего, конструирование образа себя, во многом предопределяющее пути в будущее), но для нашего исследования это не важно. Для нас важно указать на то, что результаты ревизии воздействуют на вариативность путей выхода из кризиса.

Но возможны и иные исходы.

2) Экзистенциальный кризис может принести глубокое разочарование в себе и в том, что было построено за годы зрелости. Но человек не находит в себе сил расстаться с привычным образом жизни, который (теперь он ясно это понимает) его не удовлетворяет. Ему страшно все оставить и «начать с нуля». Жизненный уклад, — плохо ли, хорошо ли — уже сложился. И пусть он не удовлетворяет, но это лучше, чем ничего. Попытки «начать жизнь с начала» расцениваются как не имеющие шансов на успех (слишком мало остается сил и времени...). Побеждают инерция жизни, привычка, инстинкт самосохранения и/или страх причинить боль близким (пусть даже не все близкие оказались по-настоящему близкими).

3) Третий вариант исхода из экзистенциального кризиса середины жизни — самый радикальный: оставить пробитую в годы зрелости жизненную колею и начать все с начала. Данный исход предполагает изменение первоначального сценария зрелости и ее перезапуск «с чистого листа»¹².

3. Удерживающая (консервативная) зрелость. Причины изменения возрастного самочувствия и поведения во второй половине зрелости коренятся в изменениях параметров внутривозрастного времени. Доминанта возрастного времени остается неизменной (самое главное в жизни происходит теперь, в зрелости), а вот внутривозрастная доминанта смещается с будущего («моя лучшая книга еще не написана») к прошлому: «лучше, чем было, не будет, но и то, что есть, заслуживает сохранения».

В период удерживающей зрелости человек перестает думать о новых рубежах на пути к далекой цели, он стремится к *воспроизводству того, что было и есть*. Уже-достигнутое (прошлое) оказывается телосом внутривозрастного

---

¹² Разочарованность человека, оказавшегося на перепутье середины жизни, может быть куда более радикальной, чем разочарованность в избранном пути или в своей способности реализовать намеченное. Человек может пережить глубочайший кризис *и в том случае, когда у него все хорошо*: большие цели в общем и целом достигнуты, значимость того, что ты сделал, широко признана, будущее обещает рост признания и новые достижения (именно так протекал кризис, описанный Л. Н. Толстым в его «Исповеди»). В этом случае (все так хорошо, что лучше не бывает) экзистенциальный кризис, если он настигает человека, особенно глубок и радикален. Жизнь переживается как лишенная смысла не потому, что человек выбрал неверный путь и не потому, что он оказался «слабаком», а... «непочему». В какой-то момент жизнь просто остановилась, утратила смысл и вкус. Человек смертен, а смерть, как почувствовал это Толстой, лишает жизнь смысла и превращает ее в муку. В кризисном сознании сама собой появляется мысль, что единственный выход из невыносимой бессмыслицы — самоубийство. В своей «Исповеди» Толстой даже классифицировал варианты поведения человека, который открыл для себя бессмысленность жизни. 1) Сознавая, что жизнь бессмысленна, получать от нее то, что можно от нее получить (выход гедонизма). 2) Сознавая, что жизнь бессмысленна и мучительна, покончить с собой (выход силы). 3) Знать о бессмысленности жизни, страдать, но продолжать «тянуть ляжку» (выход слабости). Впрочем, «Исповедь» указывает еще на один выход из кризиса, опробованный самим Львом Николаевичем: 3) выход метаноии, глубокого переворота на путях веры (в случае Толстого веры, ограниченной разумом) и сознательного отказа от прежней жизни.

будущего. Внутривозрастные будущее и настоящее оказываются в зависимости от прошлого (от того, что воспроизводится). На уровне возрастного настоящего по-прежнему *доминируют долговременные цели*, но теперь они воспринимаются как *достигнутые и удерживаемые рубежи*. Достигнутая цель может быть или утрачена, или удержана. Цель остается тем, что должно достигаться, но теперь — в форме воспроизводства, удержания сложившегося образа жизни, профессиональной репутации и т. д. Достигнутое никогда не соответствует поставленным целям вполне, но оно свидетельствует о проделанном пути, оно результирует путь в виде работающих жизненных форм. Но каким бы длинным и результативным не был путь, он не дает оснований для прекращения движения «вперед и вверх». Результат всегда относителен. В любой момент он может перейти из категории промежуточных в категорию окончательных «лично для меня». Добиться лучшего результата на избранном пути в принципе можно, но человек признает («в глубине души»), что он достиг потолка. И, чтобы не потерять достигнутое, *воспроизводить то, что у него получается*: я не сделаю лучше, чем делал, но я сделаю больше, чем было мной сделано. Цели в какой-то мере *уже* достигнуты (сделать шаг вперед не удастся), но обязательства, которые человек взял на себя, не позволяют ему «выйти из игры» без потери лица и предполагают его активное участие в том, во что он вовлечен. Достигнутые цели приходится достигать снова и снова.

Отдавая себе отчет в несовершенстве воплощения жизненных планов, человек *принимает себя таким, каким он стал*. Это не самодовольство, это свидетельство осознания исчерпанности *ресурса-для-восхождения*. Принять наличное за точку отсчета в планах на будущее (прошлое и настоящее определяет теперь содержание внутривозрастных целей) побуждает и сократившаяся временная перспектива.

Чтобы жить, человек должен принять жизнь, то есть переживать ее как имеющую смысл. В первой половине зрелости человек вкладывался в будущее (лучшее — впереди), и оно подрывало ценность прошлого и настоящего своим гипотетическим совершенством. Как только внутривозрастного будущего в темпоральном раскладе зрелости остается меньше, чем накоплено прошлого, оно теряет свой утопический потенциал (образ лучшей жизни) и *не стабилизирует* (самим своим наличием) *ценность того, что было и есть*. Если на будущее рассчитывать невозможно, приходится *переоценивать прошлое и настоящее*: отрицать их ценность, значимость в ситуации отсутствия временного ресурса опасно, это может привести к глубокому экзистенциальному кризису. Содержательно образы прошлого и настоящего принимаются в качестве образов состоявшейся и в целом осмысленной жизни, которая заслуживает того, чтобы воспроизводить и транслировать ее в будущее. В ситуации, когда будущее угрожает разрушить то, что стало для «я» домом, в чем оно обжилось и воплотилось, человек становится консервативным по возрасту.

Исполнять долговременные цели в пору консервативной зрелости совсем не то, что в зрелости восходящей. В первый период необходимо было создавать новые формы деятельности, общения и творчества, теперь же на первый план выдвигается воспроизводство тех форм жизни и деятельности, которые были

созданы прежде. Это не просто. Приходится преодолевать, нарастающую усталость, нехватку энергии, угасание воли к запечатлению самости в неподатливой и равнодушной текстуре мира.

Внутривозрастные будущее и настоящее берут равнение на прошлое, на сложившийся в прошлом образ жизни (надо предпринимать усилия для того, чтобы «завтра» — через месяц, год, десять лет — было не хуже, чем вчера и сегодня). Человек второй половины зрелости делает то, что у него «хорошо получается», и попадает в зависимость от собственного прошлого (от сложившихся привычек, от достигнутых результатов, от обусловленных прошлым ожиданий окружающих («Сделай что-нибудь еще в том же роде! У тебя так хорошо получается!»))¹³. Если в молодости и в первой половине зрелости ближние ждут от человека «чего-то нового», то после сорока они ждут подтверждения того, что уже знают о нем (от писателя ждут новых книг, от ресторатора — открытия новых ресторанов). Нарушение ожиданий чаще всего вызывает негативную реакцию.

Если бы не временность тела, не ограничения, накладываемые им на способность человека вмещать, откликаться, воодушевляться, творить новое, то можно было бы неопределенно долгое время совершенствоваться в том или ином приданном «я» образе (в образе-эйдосе писателя, врача, отца, спортсмена и т. д.). Но наглядная и ощутимая временность тела (своего тела и тел других людей), изменение соотношения настоящего, прошлого и будущего внутри темпорального расклада жизни в целом приводит к тому, что одни из способностей человека развиваются, в то время как другие — деградируют. Причем в основе прогресса в одном отношении часто лежит регресс в другом отношении. Чем более опытным становится человек, чем больше он знает, чем больше им сделано из того, что он хотел сделать, тем сложнее ему отстранить от себя свою многоопытность и знание того, что сделать можно, а чего нельзя, и шагнуть в неизвестность, сделав (сотворив) что-то, чего прежде делать

---

¹³ Такую форму этоса консервативной зрелости можно, конечно, отнести к фатальной стратегии, потому что она сама по себе свидетельствует о том, что за ней последует (старость, смерть). Можно применительно к консервативной зрелости говорить о «наращивании пьедестала», об «экзистенциальной онкологии», о «ловушке» общественного признания, как это делают авторы недавно вышедшей книги (на фатальности «ловушки» признанности особенно настаивает А. Секацкий (см.: *Пигров К. С., Секацкий А. К.* Указ соч. С. 131–133). Для подобных оценок, бесспорно, имеются основания. Но было бы ошибкой остановиться на оценочных суждениях. Говоря об удерживающей зрелости, нельзя упускать из виду *темпоральную основу перехода от стратегии восхождения к стратегии удержания*, от творчества нового к явному или неявному повтору того, что получается. Переход от восхождения к удержанию — первый этап долгой и трудной «работы расставания» (по удачному выражению О. А. Баллы), которую предстоит всем (кому раньше, кому позже) проделать по причине изменений в раскладе прошлого-настоящего-будущего. Время освоения нового, время ученичества, творчества (собираения камней) неизбежно сменяется временем, когда камни приходится разбрасывать. «Нарращивание пьедестала» в поздней зрелости происходит независимо от того, стремится к этому зрелый человек или нет. Если человек долго и добросовестно чем-то занимался, то обычно признание приходит к нему тогда, когда он уже не поднимается вверх, а делает то, что уже делал прежде, или даже тогда, когда он уже отошел от дел.

(творить) не приходилось. Накопленный опыт и знания, оконтуривание действий рамкой привычки ослабляют способность воображения и усиливают рациональный аспект в поведении¹⁴. В поздней зрелости человек умеет хорошо планировать свои действия в среднесрочной перспективе (внутривозрастные планы), но уже не умеет мечтать: слишком велик груз прошлого, слишком много он о мире, о себе, о людях знает, слишком хорошо он помнит о том, «сколько ему осталось», «на что можно рассчитывать», чтобы жар-птица воображения подняла его в небо мечты. «Премудрому, как змея», человеку не хватает крыльев. С какого-то момента люди уже не желают иного будущего, чем будущее, продолжающее то, что уже есть. Они уже не способны вообразить себя в ином, чем реализовавшийся, образе. Чем меньше будущего «в запасе», тем больше оно в содержательном отношении зависит от прошлого, тем меньше вероятность того, что на примятой прошлым почве будущего прорастут воодушевляющие на подвиг образы.

Привычки консервативной зрелости по мере старения становятся все более жесткими. Известкование привычек — одна из причин, затрудняющих освоение новых жизненных форм. С другой стороны, закалившиеся от времени привычки помогают «поддерживать форму», размываемую «течением времени». Если зрелость восхождения располагает к преобразованиям, то удерживающая зрелость — к консерватизму в мышлении и поведении.

Сказанное об удерживающей зрелости не означает, что в этот период человек утрачивает способность к обновлению, к изменению образа жизни, к изменению этоса и т. д. Зрелость удержания конструктивна и продуктивна. Человек творит, но творит по лекалам, созданным в прошлом. Конечно, и в этот период он способен осваивать новые формы, приобретать новые навыки, привычки, но он делает это вынужденно, «под давлением извне», «в силу обстоятельств», ради того, чтобы адаптироваться к меняющейся жизни и сохранить то, чего он достиг за долгие годы, удержавшись от преждевременного перехода в режим «вне игры» (старость). Представим себе, что человек «в возрасте» начинает регулярно заниматься физическими упражнениями (причем прежде он этого не делал). Эта новация в образе жизни обусловлена необходимостью поддержать физическую форму и дееспособность. Или, например, человек осваивает новую для себя технологию, читает специальную литературу и т. п., но делает это не ради того, чтобы шагнуть вперед в своей профессии, а ради того, чтобы быть «на уровне». Это и есть новое ради удержания старого.

Нежелание делать что-то непривычное — свидетельство начавшегося процесса старения. Но и повтор (с вариациями) того, что человек умеет делать, конструктивен и имеет прямое отношение к реализации жизненного проекта. Для исполнения самости важно не только изготовить печать с уникальным рисунком, но и хорошенько приложить ее к материи жизни; важно так приложить ее, чтобы она успела оставить на этой материи отпечаток. Удерживать

---

¹⁴ Неизбежность нарушения в годы зрелости баланса между рациональным мышлением (опыт, прошлое) и воображением (будущее) в пользу усиления рассудительности подробно анализирует В. Красиков (*Красиков В. И. Синдром... С. 44–85*).

печатать прижатой к телу культуры надо как можно дольше. Чтобы добиться долговременного признания (а именно императив общественного признания и культурно-исторического «бессмертия» — базовая инструкция современного общества), мало написать одну, пусть и хорошую книгу, надо написать много книг на уже достигнутом уровне мастерства для того, чтобы печать, наложенная на общественное сознание, оставила в его ткани едва заметный отпечаток. Вот почему исполнение долговременных целей не прекращается и после того, как человек «достиг максимума»; оно требует снова и снова воспроизводить то, что «хорошо получается», «закрепляя» достигнутый результат в теле социума подобно тому, как фотограф, работая с аналоговой фотографией, должен не только проявить отпечаток, но и хорошо закрепить изображение, чтобы оно не исчезло, когда снимок окажется на свету.

Удерживающая зрелость не только сохраняет достигнутый *уровень* продуктивности, востребованности, она стремится еще и к тому, чтобы сохранить многомерность жизни как пучка темпоральных нитей, каждая из которых имеет разную протяженность, строение и смысловое содержание. Множественность жизненных измерений придает существованию рельеф, рождает чувство полноты существования: нити тесно переплетены между собой, но при этом сохраняют свою обособленность. Ко второй половине зрелости число таких нитей умножается и человек стремится удержать их множественность. Чем больше нитей рвется, тем более скудным становится существование. Невозможность пробрасывать в будущее издали протянувшиеся нити любви, дружбы, родства, приятельства, совместного труда, интересов, увлечений, неспособность вместо порванных нитей протянуть новые — очевидное свидетельство старения человека. Когда обрываются критически важные для чувства вовлеченности в жизнь темпоральные нити (выход на пенсию, вынужденный переезд на новое место, смерть мужа/жены), это резко ускоряет старение и приход старости.

Следует также отметить, что зрелости, граничащей со старостью, не чужда гедонистическая установка. Это отличает ее от этоса восхождения, располагающего индивида к аскетическому воздержанию от соблазнов ради продвижения к цели и исполнения долга. Теперь, когда человек ощущает необратимые изменения на уровне тела и наблюдает за тем, как мало-помалу остывает его эмоциональная сфера, он не умом, но всем существом своим переживает простую истину: зрелость не вечна. При таком темпоральном раскладе само собой появляется желание «пожить в свое удовольствие».

Установка на сохранение достигнутого и «имеющегося в распоряжении» (красоты, силы, памяти и т. д.) делает человека внимательным к мелочам и учит радоваться простым, обычным вещам: теплему дождю, свежему снегу, неспешному разговору с другом, чашке хорошего чая. Однако гедонистическая установка *противоречит установке зрелости на исполнение больших целей*, на самовыражение в «делах и произведениях», которая *сохраняет действенность на всем протяжении зрелости*. Доминирование возрастного настоящего, прошитого суровыми нитями больших целей, требует держаться принципов и стремиться к целям до тех пор, пока для этого есть хоть какие-то силы. Аскеза (в форме демонстрации своей профессиональной состоятельности, заботы о

своем теле, борьбы с «вредными привычками» и т. д.) не исчезает и в консервативный период зрелости, меняется лишь то, на что она направлена: прежде аскеза служила экспансии «я», теперь — его сохранению на максимуме воплощенности и выразительности. К гедонистическому поведению склоняет зрелых людей и современная культура, в которой напряжение и аскеза оправданы постольку, поскольку их можно обменять на удовольствия.

В заключение следует отметить, что протяженность удерживающей зрелости может различаться в больших пределах. У одних людей она не уступает протяженности зрелости восхождения, у других — это короткий период перед наступлением старости. Такие различия связаны с различиями в масштабах принятых к исполнению целей, с разницей витальных потенциалов и волевых качеств. Люди, воодушевленные значительными целями и наделенные большой жизненной энергией, обладающие сильной волей и богатым воображением, способны жить замыслами и будущими свершениями даже тогда, когда внутривозрастного будущего у них остается совсем немного¹⁵.

4. Нелинейная зрелость (зрелость в контексте постмодерна)

По новой дороге (зрелость со второй попытки). Перезапуск зрелости как один из вариантов выхода из кризиса среднего возраста может осуществляться по-разному. 1) Он может представлять собой попытку добиться *прежней цели*, а для этого начать реализовывать ее с самого начала. Ведь если испорченного «не поправить», надо попробовать избежать ошибок, которые привели к кризису. Создавая, к примеру, новую семью, человек надеется, что на этот раз он построит долговечный и счастливый союз. 2) Перезапуск зрелости может быть связан с *постановкой новых целей*, с освоением, к примеру, новой сферы деятельности, профессии, со сменой местожительства, гражданства и т. д. В этом случае базовые принципы остаются неизменными, а долговременные цели меняются.

Однако отказ от образа жизни, сформировавшегося в период восходящей зрелости, может быть и еще более радикальным, если 3) пересматриваются *базовые* (моральные, религиозные, идеологические) *принципы и уже на этой основе ставятся новые цели*. Так бывает, когда кризис среднего возраста приводит к духовному перевороту, в результате которого человек, например, переходит от прагматической установки к этической, от неверия к вере или, напротив, когда он теряет веру, etc.

По своему темпоральному рисунку «зрелость со второй попытки» походит на восходящую зрелость (господство возрастного настоящего сочетается с доминированием внутривозрастного будущего), но внутривозрастное будущее как время-для-реализации-цели оказывается *укороченным*. Если перезапуск зрелости будет успешным и продлится до наступления старости, то от этоса восхождения человек может перейти к этосу удержания, от доминирования

---

¹⁵ Границу зрелости можно провести лишь условно. До тех пор пока человек удерживает полную вовлеченности в то, что он исполняет/воплощает в годы акме, он пребывает в среднем возрасте. Зрелость может завершиться и в 50 лет, и в 60, и в 70. Человек, который по паспорту стар, по своему экзистенциальному возрасту может оставаться зрелым. У кого-то старость приходит на смену зрелости после семидесяти, у кого-то — после сорока.

будущего к доминированию (внутривозрастного) прошлого. Соответственно, за периодом восходящей «зрелости со второй попытки» может последовать период удержания достигнутого. Однако в силу укороченности темпорального горизонта зрелости-2 переход от восхождения к удержанию случается нечасто.

«Зрелость со второй попытки» будет отличаться от зрелости-1 не только размерностью, но и тем, что у зрелости-2 имеется опыт зрелой жизни, а у зрелости-1 его не было. Внутривозрастное временение второй зрелости удерживает не только свое собственное прошлое, но и все взлеты и падения первой зрелости. Вот почему перезапуск среднего возраста никогда не является возвращением «на исходную позицию» (даже в случае, если обновляются и принципы, и цели), хотя и делает его на уровне самочувствия и возрастного этоса моложе. Все *как будто* «в первый раз» (как было в начале зрелости), но... все это не в первый раз. Связь, преемственность со зрелостью-1 в той или иной мере сохраняется: в новой семье учитывается опыт семейной жизни, в ней присутствуют дети от первого брака, бывшая жена и т. д.; в новой сфере деятельности всплывают навыки и привычки, унаследованные от прошлого.

Кроме того, вторая попытка редко начинается «с чистого листа»; обычно «второе начало» означает перестановку: то, что было «не главным», было увлечением, получает зеленый свет: хобби становится работой (человек увлекается дайвингом и в какой-то момент оставляет медицинскую практику и становится инструктором по подводному плаванию), любовница — женой. В подобных случаях новое начало не то, чтобы совсем новое, оно продолжает в старое, но в новой конфигурации (жена теперь другая, но и «бывшая» не исчезает с горизонта, поскольку от первого брака остались дети, и т. д.).

Сложность анализа нелинейного сценария зрелости еще и в том, что ее перезапуск редко захватывает оба базовых измерения жизни: личную жизнь и профессиональные интересы (или, шире, деятельность за пределами «частной жизни») ¹⁶. Часто человек меняет жизнь только по одному из этих измерений.

В случае частичного перезапуска зрелости темпоральный расклад восхождения будет сочетаться (в другом ее измерении) со схемой внутривозрастного временения зрелости удержания. Приведем пример: семья у человека осталась прежней, а содержание профессиональной деятельности изменилось. При таком раскладе в одном измерении жизни будет (на внутривозрастном уровне) преобладать будущее, в другом — прошлое.

В любом случае стоит учитывать, что нелинейность зрелости-2 всегда условна. Моменты преемственности со зрелостью-1 в той или иной мере всегда присутствуют, хотя и не они (в целом) определяют то, чем и как живут те, кто решил «все» поменять.

---

¹⁶ Так нередко происходит, когда кризис возникает не в ситуации обманутых ожиданий, а в ситуации успеха и касается фундаментальных основ жизни, ее принципов. К такому перевороту (к метаноии) можно отнести, например, «случай Л. Н. Толстого», переосмыслившего после пережитого им экзистенциального кризиса те принципы, на которых он выстраивал свою жизнь до кризиса. Эти изменения привели к тому, что он, живя в той же семье и занимаясь по-прежнему писательской работой, пытался переустроить семью и писательство на новых основаниях, преобразившись из литератора, семьянина, помещика в проповедника и моралиста.

Вне игры («не в признании счастье»). Разнообразие нелинейных форм зрелости связано не только с полным или частичным пересмотром жизненных целей и решением сыграть «в другую игру» с тем, чтобы «победить». При пересмотре базовых принципов кризис среднего возраста может закончиться *не постановкой новых целей и борьбой за их воплощение, а «выходом из игры»,* то есть отказом измерять состоятельность жизни в терминах ее большей или меньшей продуктивности, общественного признания, социального статуса, дохода и т. п. «Перемена ума» может иметь своим следствием уход от «суетного мира» ради жизни «в тихой обители, в трудах и молитвах» и спасения души, что, хотя и редко, случается и в наши дни. Но «разочарование в жизни» может привести к отказу от карьеры, высоких доходов и социального статуса ради жизни в единстве с природой и в гармонии с собой где-нибудь в провинции, у моря, в сельской местности или в маленьком уютном городке (такое сегодня случается все чаще).

И в том, и в другом случае мы имеем дело с отказом от жизни в линейной логике и социально признанного успеха. Но отказ от изнуряющей гонки за признанием может иметь разную мотивацию. Не стоит подводить всех «отказников» под модную сегодня категорию дауншифтинга.

Христианское вероучение, а также востребованные сегодня на Западе восточные духовные практики радикально смещают экзистенциальный фокус с «я» на Бога и тем самым обесмысливают гонку за признанием и успехом. У человека, пережившего религиозную (или философскую) метанойю, цель в жизни имеется, но это трансцендентная цель, цель не от мира сего; она не замкнута горизонтом земной жизни. Конечно, у него имеются и цели внутри этого мира, но он теперь не ставит их во главу угла, не измеряет степень их реализации состоятельностью своей жизни. Этот путь не предполагает расслабленности, лени, эгоистической замкнутости на собственном «я» и на узком круге близких (семья)¹⁷. Когда на первый план выходят такие понятия, как «вера», «надежда», «любовь», «спасение», «верность», то «результативность» жизни-как-продуктивной-деятельности перестает быть главным мерилom человеческой состоятельности (впрочем, в рамках протестантской веры мирской успех увязывается со спасением и жизнью не от мира сего). Такие формы «ухода от мира» под понятие дауншифтинга подвести невозможно.

Дауншифтинг — это другая история. Он не предполагает выхода из игры, навязанной обществом, делающим ставку на личный успех и потребление. В его логику вшита установка на получение максимального удовольствия от потребления своей жизни. К дауншифтингу подводит сама же логика общества потребления в тех случаях, когда человек занимает по отношению к ней рефлексивную позицию: если мы живем для того, чтобы прожить ее «в удовольствие», делая то, что хочется, тогда надо сохранить субъекта удовольствий, которого репрессирует гонка за успехом. Средства к получению от

---

¹⁷ Глубина персонального отпечатка, наложенного человеком на мир, мобилизующая его к деятельности в рамках гуманистической культуры, также утрачивает в этом случае свою интенсивность.

жизни удовольствия имеются, а тот, кто мог бы использовать их в свое удовольствие, отсутствует.

В центре внимания дауншифтера находится его «я», но не то, которое поднимается к высотам профессионального успеха и общественного признания, а «я» гедонистическое, получающее от жизни удовольствие. Выход из игры — это жизнь без спешки, неврозов, бесконечных дел и необходимости под кого-то подстраиваться. На Западе (да и в России) дауншифтинг нередко связан с поверхностным увлечением буддизмом, даосизмом, йогой и другими восточными учениями, настраивающими на медитацию, покой и созерцание.

Таким образом, вторая зрелость в режиме «вне игры» по-разному мотивируется и имеет разное содержательно-смысловое наполнение. Общее между разными формами «выхода из игры» то, что человек полностью или частично *освобождает возрастное настоящее от скреп больших целей, помещенных в горизонтальне измерение биографического времени*. Это приводит к снижению роли внутривозрастного временения, в рамках которого конкретизируются и воплощаются долговременные цели зрелости.

Периодизация зрелости и современная цивилизация (логика дробления).

Развитие западной цивилизации в эпоху постмодерна создает условия для широкого распространения нелинейной модели зрелости, что, в свою очередь, свидетельствует о ювенилизации («омоложении») среднего возраста. Мы говорим о ювенилизации, поскольку привилегия начинать, а потом бросать начатое ради апробации чего-то другого — это привилегия юности. Конечно, ювенилизируясь, люди нелинейной зрелости остаются ангажированными настоящим и более постоянны в своем поведении, привязанностях и интересах, чем молодые люди. В нелинейной зрелости каждый период длится годы и человек всерьез вовлекается в определенную сферу деятельности, вкладывая в нее энергию и волю. В ней сохраняется главное, что отделяет зрелого человека от молодого: здесь не пробуют себя, здесь живут «набело», сознавая, что «если не сейчас, то никогда». Берясь «за гуж», человек берется за дело всерьез, но через долгое время (не сразу) выясняется, что он не может (не хочет) продолжать его, что продолжать начатое «смерти подобно». «Серьезные последствия» схода с дистанции его не останавливают. И хотя перезапуск зрелости не делает человека молодым, но практика перезапуска зрелости его ювенилизирует.

В «омоложении» зрелости опознается логика нивелирования различий, размывания границ, которая уже довольно давно заявила о себе в сфере гендерных отношений. Идеологической, социальной и политической борьбе за гендерное равенство соответствует тенденция к ювенилизации зрелости¹⁸. Здесь, как и в случае с различием мужского и женского, возрастные особенности сохраняются, *но различия возрастных этосов молодых и зрелых становятся*

---

¹⁸ О ювенильности и инфантильности, а также о проблеме перехода от молодости к зрелости в современном обществе см.: Лишаев С. А. От детства к зрелости (феномен пролонгации молодости и современность) // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2016. № 2 (20). С. 110–132.

менее определенными (поведение зрелого человека сегодня отличается от поведения человека молодого меньше, чем это было 100 лет тому назад, а зрелость наступает значительно позднее).

В последние 40-70 лет этос, ориентированный на поиски себя и включающий «право на ошибку», оценивается как социально приемлемый не только для молодых людей, но и для людей зрелых, обремененных семьями и обязанностями. Современное общество к ювенилизации относится толерантно. Оно давно согласилось (хотя не без споров, которые идут и сегодня) *на пролонгацию молодости за счет зрелости*, на позднее вступление в брак, на долгие годы обучения (детская и молодежная позиция) и на годы «поисков себя» после завершения учебы; оно принимает как неизбежность (опять же не без споров) практику массовых разводов (что поделаешь: люди пробуют себя в семейной жизни, ищут лучшей доли), резкую смену сферы деятельности и интересов людьми, которым давно за 30 и за 40.

В ювенилизации зрелости можно видеть один из результатов характерной для культуры модерна и особенно постмодерна ставки на развитие, обновление, и, если говорить о ее возрастных импликациях, на молодежь. Зрелым людям позволяют вести себя, как молодым, потому что этос молодости комплиментарен «прогрессу», «развитию», «новизне», «самореализации», «агональности», «скорости» и т. д. Посттрадиционная культура не благоволит к людям, достигшим зрелых и преклонных лет, поскольку они не расположены поддерживать новое, потому что оно новое. Она побуждает их идти против того, к чему их склоняет их возраст, и вести себя так, как если бы у них «все было впереди».

Широкое распространение нелинейных форм содержательно-временного структурирования среднего возраста связано с неявной сакрализацией принципов множественности, становления, различия и, соответственно, с десакрализацией единства, тождества, иерархичности, последовательности. Если в традиционном обществе культивировалась верность (прежде всего, Богу, потом — старшим в социальной и семейной иерархии), а в обществе модерна воспитывалась верность *самому себе* (единство верного своим принципам и целям субъекта), то в обществе после модерна установка на верность, постоянство, последовательность представляется как сомнительная, тоталитарная, репрессивная, сужающая поле возможностей, ограничивающая свободу и право человека выбирать то, что для него «лучше» *на данный момент*. Зачем сохранять верность (пусть даже верность себе), зачем выполнять данное себе или другому слово, если прошло много лет и ты переменялся и уже не хочешь того, чего хотел когда-то? Надо делать не то, что обещал, а то, что соответствует твоему настоящему (здесь и теперь) желанию и тому, что ожидают от тебя окружающие сегодня.

Людей, которые ориентируются на идеал субъекта верного слову, сегодня все чаще ассоциируют не с этосом лучших (с этосом людей элиты), а с поведением маргинальных групп («пацан сказал — пацан сделал») или с отстающими в социально-культурном смысле слоями населения (с людьми старшего поколения, живущими ценностями прошлого, а то и позапрошлого века, с религиозными фанатиками, с людьми, склонными к авторитарному стилю мышления). Верность слову (воля господина) иронически снижается: «Я хозяин своему слову: захочу дам, захочу — возьму обратно». Распространенность этого мема

весьма симптоматична и выражает сдвиг в сознании значительной части жителей современных мегаполисов. Сегодня укрепляется иное понимание верности и свободы, чем верность человека своему решению, слову. Согласно этому пониманию (редко проговариваемому ясно и отчетливо) быть свободным — значит *быть верным текущему настроению*, быть свободным от навязываемых обществом норм и ускользнуть от любых определений. Предполагается, что у человека не одно, а множество «я», и не стоит репрессировать эту множественность за счет увековечивания власти одного из многих «я»; репрессированные «я-меньшинства» имеют полное право на свою долю в проживании жизни.

И в эпоху модерна, и в традиционном обществе зрелость прошивалась большими, долговременными целями/обязанностями и рассматривалось как целое (как время исполнения взятых на исходе молодости серьезных обязательств и больших целей). Неспособность исполнить обязательства, а тем более отказ от их выполнения осуждались, поскольку в традиционном обществе они получали трансцендентную санкцию («предназначение», «призвание», «судьба»), а в обществе модерна санкционировались возведенной на пьедестал самостью (безусловная верность самому себе, автономия против гетерономии, длинная воля против сиюминутных желаний).

Но у постсовременного «теперь» короткое дыхание. При разрушении содержательного единства возрастного настоящего периодизация среднего возраста утрачивает линейность. Хотя возрастное время (настоящее) и сохраняет (в нелинейной модели) формальное единство (все самое главное происходит теперь, в зрелости), но оно больше не удерживает содержательного единства. Возрастное настоящее нелинейной зрелости распадается на разные по своим целям и принципам формации зрелости (зрелость-1, зрелость-2...), каждая из которых имеет свои собственные внутривозрастные прошлое, настоящее и будущее.

Инфантилизация молодости и ювенилизация зрелости, репрессирование старости (феномен геронтофобии) свидетельствуют о размывании линейного сценария возрастной периодизации. Процессы эти еще далеки от завершения, но тенденция очевидна уже сегодня: формируется модель возрастного сознания, в рамках которой возраст (во всяком случае, для взрослого человека) предстает как предмет свободного выбора и каждый человек вправе делать его самостоятельно. При этом в наибольшей степени перемены в сфере возрастного самосознания и возрастного этоса затрагивают самый продолжительный и конструктивный возраст — зрелость¹⁹.

Можно предположить, что линейная модель и сегодня остается наиболее распространенной на Западе, в России и в других частях мира. Однако тенденция к маргинализации линейной модели продолжается, и если она сохранится в будущем, то базовым сценарием может оказаться «зрелость нескольких зрелостей», а ювенилизация среднего возраста станет еще заметнее.

---

¹⁹ Нелинейные варианты развития зрелости (кризис среднего возраста, второе рождение, религиозное обращение) — не открытие последних 50-70 лет, но прежде они были уделом единиц, а сегодня стали массовым явлением.

Заключение. Периодизации среднего возраста включает в себя как минимум два периода, связь между которыми может быть как линейной, так и нелинейной. Темпоральным горизонтом, объединяющим разные периоды и сценарии зрелости, является возрастное настоящее. Различия между периодами линейной зрелости, сохраняющими содержательное единство на всем протяжении среднего возраста (единство реализуемых в них принципов и целей), обусловлены смещением темпоральных акцентов на уровне внутривозрастного времени.

Линейная модель зрелости — это последовательность двух периодов: восхождения, в котором на внутривозрастном уровне доминирует будущее, и удержания, в котором доминирует прошлое. Если в восходящей зрелости формируется комплекс привычек, подчиняющих ситуативное время исполнению больших целей и способствующих исполнению самости в определенном качестве (стать кем-то, обрести сущность), то в *зрелости удержания* комплекс привычек и ситуативное время нацелены на воспроизводство внутривозрастного прошлого в настоящем и будущем, на сохранение обретенной сущности.

Первый период зрелости у всех, кто вступил в пору акме, проходит в форме зрелости восхождения. Нелинейная модель заявляет о себе в форме отказа от продолжения начатого и перехода к построению другой зрелости (зрелости-2). В этом случае человек порывает с содержанием, которым он руководствовался ранее, и строит «новую зрелость». Перемене курса предшествует кризис среднего возраста и ревизия внутривозрастного прошлого на предмет его соответствия изначальным принципам и целям, а также ревизия принципов и целей, которыми человек руководствовался ранее. В результате двойной ревизии человек или продолжает движение в прежнем направлении (и тогда сразу или через какое-то время переходит к стратегии удерживающей зрелости), или полностью (частично) изменяет свои принципы и цели, определяющие горизонт возрастного настоящего.

Если в рамках линейной модели меняется доминанта внутривозрастного времени, то в нелинейном сценарии переучреждается — на уровне исполняемых в ней принципов и целей — сама зрелость. Средний возраст сохраняет формальное единство на основе возрастного настоящего, но содержательное единство и преемственность он теряет. Смена базовых принципов и ориентиров ведет к формированию новых привычек и к изменению образа жизни. Вместо зрелости, разделенной на два периода, человек проживает несколько зрелостей внутри большой зрелости.

Одним из последствий распространения модели *зрелости* двух (и более) попыток будет расширение жизненного опыта зрелого человека и снижение качества реализации принятых к исполнению целей, поскольку на каждый из проектов большой зрелости может быть потрачено меньше времени и сил, чем в случае следования зрелости одного проекта (линейной зрелости).

Изменение социальных и культурных условий жизни европейского человека за последние 50-60 лет создало условия для широкого распространения нелинейной модели внутривозрастного структурирования среднего возраста и, соответственно, содержательной сегментизации зрелости. Связанная с такими

переменами легитимация «поисков себя» указывает на прогрессирующую ювенилизацию среднего возраста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Красиков В. И. Конструирование онтологий. Эфемериды. Москва : Водолей, 2007. С. 120–147.
2. Красиков В. И. Синдром существования. Томск, 2002. С. 41–94.
3. Лишаев С. А. Возраст и время // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2015. Том 16. Вып. 4. С. 46–55.
4. Лишаев С. А. Герменевтика молодости: жизнь на просторе // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2016. Том 17. Вып. 3. С. 41–52.
5. Лишаев С. А. О критериях возрастной периодизации (материалы к философии возраста) // Вестник Ленинградского государственного ун-та им. А. С. Пушкина. Серия «Философия». 2015. № 4. Т. 2. С. 66–76.
6. Лишаев С. А. От детства к зрелости (феномен пролонгации молодости и современность) // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2016. № 2 (20). С. 110–132.
7. Пигров К. С., Секацкий А. К. Бытие и возраст. Монография в диалогах. Санкт-Петербург : Алетейя, 2017. 250 с.